

ИММИГРАНТ

А. МЕММИ

Писатель (Тунис)

Неудобство быть арабом или африканцем на Западе сохраняется много лет. Чем больше становилась необходимость экономического и политического сотрудничества, принятия международных решений, тем болезненнее обозначалась пропасть, продолжавшая существовать между прежними хозяевами, бывшими колонизованными и бывшими колонизируемыми.

ОЖОГИ УНИЖЕНИЯ

Чувство неравенства, ставшее невыносимым, поддерживает все растущую горечь во взаимоотношениях. Присутствие иммигрантов, становящееся все более многочисленным, в недрах самого Запада обнаружило новую экспансию ислама. Отсюда — стремление ислама силой вырвать у Запада признание равенства. Его обвиняют в извращенности, эгоизме, озабоченности только своими привилегиями и грозят отчаянной с ним войной. Хотя совсем не факт, что настоящая война начнется. Для этого необходимо относительное равновесие сил противников. Между тем, разность «весовых категорий» очевидна и пока это трудно преодолеть, даже учитывая относительное ослабление Запада, который все еще сохраняет значительное превосходство в научном, техническом, военном и философском развитии... Например, его доктрина *прав человека*, принята пусть даже ханжески, почти во всем мире...

Кто они, современные иммигранты? Мусорщики, дворники, подсобные рабочие, ассенизаторы...

ры... Как будто вернулось сюда, на Запад, их прежнее африканское рабство... Повсюду дискриминация, идет ли речь о работе, о найме жилища, о его личной жизни... Но как им преодолеть свою бедность и унижение? Как стать вровень со всеми? Видели ли вы когда-нибудь, как французы с охотой посещают иммигрантские кварталы, зовут людей к себе в гости? Даже если иммигрант не просто продавец жареных каштанов, а менеджер в каком-нибудь супермаркете, у него остается всегда чувство какой-то своей «нелегитимности», маргинальности на земле своей новой родины. Чья вина? Ответ не прост.

Иммигрант хочет все и сразу, чтобы условия его жизни равнялись французским. А французы считают, что сделали уже великое дело, открыв ему двери в свою страну. И пусть теперь доказывает свою способность жить здесь так, как завещали им их предки... Пусть будет благодарен за возможность здесь жить и пусть приспосабливается ко нравам и обычаям их земли. Пусть иммигрант растворяется в национальном большинстве. Это, если ты решил жить в чужой стране...

И вот, иммигрант спрашивает себя, не прибавилось ли ему несчастий? Ведь он уже и так потерпел крах, распрощавшись с родиной, а здесь его хотят заставить заплатить за это цену гораздо более высокую, чем стоимость перелета. И у него кружится голова, когда он стоит на краю бездны таких проблем... А понимают ли французы эти терзания?..

Налицо некая близорукость у принимающего иммигрантов национального большинства. Оно в

упор не видит забот меньшинств, которые живут рядом... Об иммиграции все рассуждают как об определенной необходимости, хотя и не представляют себе ясно, что она несет с собой. И так возникают взаимные упреки и недоверие...

ОТ УНИЖЕНИЯ ДО ОБИДЫ

Глубокая обида характерна для третьего мира, и, в частности, для арабов. Эта обида существовала всегда, но теперь она выражается открыто. Это обида побежденных, которые не видят выхода из своего поражения. И обида эта все острее, потому что именно третий мир нуждается в помощи Запада, в то время как тот не испытывает в этом особой нужды. Можно обойтись без кофе, урожай которого собирают в Африке или Центральной Америке, но обойтись без лекарств, произведенных в лабораториях Европы невозможно.

Третий мир немало почерпнул и продолжает черпать из культуры Запада, а тот — разве что некоторые музыкальные ритмы или какие-то черты стиля одежды африканцев или латиноамериканцев. И это немалая драма деколонизованных, которые, добившись свободы, политической независимости и самостоятельности, продолжают во многом зависеть от Запада, заимствовать у него. Культура «угнетателя» пронизывает всю экономику и политику бывших колонизованных. Конечно, наличие нефти и других полезных ископаемых является важным фактором их развития.

Что же делать, когда чувствуешь свое поражение? Можно мечтать о «другой жизни», ностальгировать по прошлому, когда

Продолжение. Начало см.: Азия и Африка сегодня. 2016, № 6.

в какие-то весьма далекие времена их страны были могущественны и богаты, мудры и образованны, имели властителей, царивших в огромных империях... Можно мечтать о прекрасном будущем, как в сказках, когда снова все будут процветать и станут непобедимыми... Но такой разрыв между мечтой и действительностью не способствует устойчивому равновесию и душевному спокойствию. Потому что окружающая реальность постоянно напоминает о последствиях колониализма, которые надо бесконечно преодолевать. Это и бедность большинства населения, и скандальное богатство немногих; это и коррупция, царящая кругом - и во властных структурах, и повсюду, где можно за взятку как-то устроить свои дела... Это и смирение народа с нищетой, почти полное его безволие: хотя какие-то мелкие вспышки недовольства и бунты случаются, но они неэффективны и не приносят ни малейших результатов, легко подавляются и умиряются... Это и сговор элит, поддерживающих в обществе религиозный обскурантизм, всяческие политические хитросплетения и интриги... Все это характерно именно для богатых ресурсами стран, в то время как более бедные в этом плане стараются жить достойнее...

Ненависть к Америке заменила у деколонизованных ненависть к колонизатору. И не потому, что американцы выглядят сильнее остальных, а потому что они - квинтэссенция Запада... И потому кажется, что во всех бедах арабов повинны именно они. И обида переходит в злобу и месть, которая не знает границ. Недостаточно того, что виновный будет указан, обозначен, ей необходимо наказать его. Хотя бы символически разрушить, уничтожить... Хуже всего, что именно обида и чувство мести объединяет людей, являясь поводом сплотить ряды всех «жертв», отчаявшихся в своей победе... Но желая разрушить Запад, иммигрант должен забыть, что здесь он обрел общество, в котором, несмо-

тря ни на что, хотел и хочет обрести свое место.

СОЛИДАРНОСТЬ ПОБЕЖДЕННЫХ

Сейчас мы наблюдаем противостояние арабо-мусульманского мира, с одной стороны, с другой - Запада. Рядом идут насилие и солидарность. Насилие против Запада и безусловная солидарность арабов. Межарабская солидарность - это реакция побежденных и угнетаемых. Победители в этом не нуждаются, они самодостаточны... Солидарность экс-колонизированных никогда не угасала, как и солидарность колонизаторов в эпоху колониализма, и не угасла до сих пор.

Солидарность автоматически порождает снисходительность. Даже, когда ужасающие атаки террористов-смертников усиливаются, некоторые люди говорят: «Ну, что с них возьмешь! Это же - безумцы, они считают себя просветленными волей божьей!...» Даже иногда выражается симпатия в отношении к арабским «камикадзе» и «героям» арабского мира. Даже тот, кто признавал раньше в Саддаме Хусейне «ужасающего тирана», был против жестких мер, принятых в отношении него...

Не допускается даже малейший намек на какую-то «несправедливость», - все это может «ослабить» совместные усилия арабов в борьбе с Западом. Те, кто, безусловно, поддерживает эту «священную борьбу», становятся в ряды почти святых. А уж если погибает в этой борьбе, то из него делают исламского «мученика»: он - свидетельство великой жертвы и великой доблести в борьбе за «общее дело»... То ли это бравада, то ли провокация, но даже матери с гордостью поизносят имена своих погибших детей, считая их героями, «шахидами», мучениками во имя «святого дела»...

Естественно, что сама по себе людская солидарность неплохое дело. Она оказывает поддержку индивидууму, укрепляя как-то его силы в связях с обществом, она

придает даже некоторую эйфорию его жизни, вошедшей в определенное сообщество, которое обещает защитить его от «враждебности» остального мира (иногда надуманной, иногда реальной); и вообще человеческая солидарность помогает слабому и бесправному.

Но она сама становится несправедливой, если возникает как «безусловная», не в связи с реальной угрозой, но «сама по себе» лишь во имя объединения «своих» против «чужого». Борьба за «права человека» превращается просто в борьбу мусульман против «неверных», немусульман. Кстати, недоверие царит и в самом мусульманском мире в отношении немусульманских меньшинств, проживающих в нем. ...

КОМПОЗИТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Говоря о соблюдении национальных и религиозных традиций, многие доходят до абсурда. Одна молодая женщина, преподаватель, уверяла меня на полном серьезе, что пост в месяц рамадан для мусульман - средство похудения, возможность сбросить лишний вес. А танец живота, это приятное арабам эротическое развлечение, на самом деле, «духовное действо»... Есть и такие, кто оправдывает избиение женщин до смерти камнями, если те подозреваемы в адультере. «Что, по-вашему, - увещевал меня этот арабский профессор, преподающий в Швейцарии, - половая распущенность, царящая на «светском» Западе, лучше?» Только ислам может быть крепостью, защищающей людей от этой «собачьей свадьбы», способной облить грязью всю планету», - считает профессор... Другой, более умеренный в критике Запада, подсчитывает число слов арабского происхождения во французском языке, настаивая на «культурном влиянии», вспоминая, что именно арабы познакомили Запад с греческой философией (что правда!), и вообще Запад многим обязан Востоку (с этим трудно не согласить-

ся). Но смысл этих доводов сводится к тому, что арабы, и все бывшие «угнетенные» и «презираемые», «обокраденные» и «униженные», теперь берут реванш и пытаются показать не только свою силу и мощь, но главное - свою способность обойтись без Запада...

Вот почему европейцам необходимо защищать и отстаивать свою коллективную силу, свою коллективную идентичность, свою солидарность, на которую незаконно покушаются и которой постоянно угрожают...

В странах Европы популярна идея возвращения к национальным ценностям, истокам европейской цивилизации, и каждый европеец может более или менее внятно это объяснить. Но куда они хотят «возвращаться», арабы? Где находится эта «чистая» их целостность? Из чего состоит? Если не считать немногие собственно аравийские мифы, интерпретации которых в зависимости от школ и потребностей отличаются одна от другой, то на самом деле арабская культура, та, которая нам явлена сегодня, - это результат долгой и успешной борьбы арабских завоевателей с другими народами и плодотворное усвоение культур побежденных. Сегодняшние иракцы или турки весьма далеки от культуры аравийских бедуинов, начавших свое продвижение со знаменем ислама в другие страны. И вообразить себе, что существовало какое-то целостное культурное арабское прошлое - невозможно. Все разговоры об этом - лишь средство борьбы с Западом.

Проникновение Запада, радуется это кого или огорчает, идет повсюду на Востоке, пронизывает все его культурное достояние. Взгляните на игры и развлечения детей иммигрантов, живущих на Западе. У них нет никаких в этом различий со всей молодежью, которая их окружает. Молодежь - и иммигранты не исключение - вообще предпочитает «фаст-фуд» национальным кухням. Молодые люди любят поесть досыта и дешево. Это повсюду... Права чело-

века и гражданина, которые обретают на Западе иммигранты, - неизбежное благо всех народов, даже тех, кто сегодня во всем обвиняет Запад. Ведь, как ни крути, но документы-то (юридические и др.) не только иммигранты, но даже заключенные, по выходу на свободу, обретают именно благодаря этим правам, которые они пытались нарушить...

ПРОЩАНИЕ С МИФОМ О «ВОЗВРАЩЕНИИ»

Иммигрант знает, что отныне, кроме периодических посещений своей родины, окончательного возвращения на родную землю не будет. Это, конечно, не жизненная катастрофа для иммигранта, но он понял, что миф о возвращении рассеялся, и смирился с этим.

А ведь он долго верил в то, что его добровольная ссылка, жизнь на чужбине когда-нибудь кончится. Но все экс-колонизованные, обустроившиеся в принимающем обществе, считали себя в известной мере «ссылными», хотя и добровольными. Это было как алиби, которое снимало с них чувство вины за то, что они покинули родину. Ведь человек уехал за море из-за нищеты, ему больше было невыносимо видеть, как голодает его семья, которой, находясь в эмиграции, он сможет высылать часть своего заработка... И иммигрант полагал, что как-нибудь, в один прекрасный день, все его мытарства, вся эта ситуация, отделяющая его от родных, кончатся, хотя точно и не знал как. Но время шло, уже сложилась новая жизнь, появились даже какие-то новые, приятные моменты, не хуже прежних, и эта другая жизнь уже стала тоже казаться настоящей. Оказалось, что жизнь на чужбине - это не всегда несчастье.

Хотя кто-то, конечно, как пересаженные в другую почву растения, увяли, погибли, но некоторые прижились, адаптировались и зажили другой жизнью. И возврат на родину постепенно превратился в далекую мечту, стал чем-то туманным, бесплотным,

призрачным. Хотя осталась, конечно, ностальгия по родине, которую, как и всем, легче любить на расстоянии. И даже порой он эту свою родину лучше ощущал «в себе», чем раньше, когда жил на своей земле.

Иммигрант будет всегда считать свою родную страну красивее и мягче, теплее и приветливее, чем ту, в которой уже давно живет, где и нравы, и люди - совсем не такие... И будет убеждать себя, что он еще вернется туда, откуда когда-то уехал.

Но даже если его родная страна не изменилась с тех пор, как он ее помнит, то сам-то он, не замечая того, стал другим. Произошло смягчение законов принимающей стороны, и его жене разрешили приехать к нему. Иммигрант уже не тот одинокий мужчина, который слонялся по улице Барбес, что в районе Монмартра, не зная, что делать с собой, либо шел к себе в комнатенку, которую снимал пополам с товарищем. Те, кто не знал никогда, что такое одиночество в ссылке, в жизни на чужбине, не могут ощутить вкус горечи и ощущение ненужности никому таких бедняг, как иммигранты, которые прожили в Европе долгую жизнь холостяками. И когда новое законодательство разрешило воссоединение их с семьями, то они избавились от своей тоски.

Конечно, принимающее общество, чужая страна - не рай, это понятно, но ведь здесь найдена работа, крыша над головой, обретены какие-то социальные права, которые никто у него не собирается отнять, за исключением расистского меньшинства. Иммигрант может пользоваться бесплатной медицинской помощью, он чисто одет, теперь имеет семью, женат на женщине, которую вновь обрел и благодаря которой в доме у него всегда есть обед, и ест он блюда, любимые с детства... Он ориентируется в городе, ездит почти бесплатно в транспорте, - ему возмещают плату за его поездки или дают специальные купоны; его жена оплачивает квитанции за квартиру (частичную оплату которой то-

же возмещают на работе) и, встречаясь со своими соотечественниками, получает полезную информацию, начинает тоже ориентироваться в пространстве новой жизни... Если он, иммигрант, безработный, то получает какое-то время пособие по безработице, пока не найдет работу; если потерял работу (даже нелегальную), то тоже получает пособие. Он получает какие-то деньги как семейное пособие на жену и детей (по их количеству!); ему оплачивают лечение в обычной больнице, оплачивают даже расходы, если он захочет развестись согласно местным юридическим нормам. Если иммигрант - политический беженец, то он получает пособие и по этому статусу. Он, если захочет, может поменять свою фамилию на другую... Если есть у него какие-то разногласия с администрацией, то он может потребовать бесплатно услуги адвоката. Ведь все французы этим пользуются, почему бы не воспользоваться и ему? Ведь он и так - самый бедный...

И вдруг однажды иммигрант понимает, что здесь он прожил большую часть своей жизни, чем там, у себя на родине. Да и вообще уже «там» и «здесь» как бы стало не очень существенно. Даже если он продолжает ездить на каникулы на родину, хотя и гораздо реже с тех пор, как вернулась к нему жена, то констатирует (хотя и с некоторым огорчением), что там его уже не столь охотно встречают: пока он жил в эмиграции, он превратился в некоего чужака и в своей собственной стране... Язык на родине изменился, он не понимает многих слов, которые соответствуют новым жизненным ситуациям и обстоятельствам... И немного побыв у себя в родном краю, он уже хочет вернуться обратно туда, откуда приехал. Так и живет в пространстве между двумя привязанностями к разным землям. А точнее - дистанцируясь теперь и от одной, и от другой...

Да и вообще, если ему удалось выбиться из нищеты, сэкономить, как-то умудриться «выбиться в люди» из всех этих уни-

зительных профессий, которые ему предлагали поначалу, скопить денег и открыть маленькое кафе или лавочку, или содержать гараж, если он регулярно платит налоги, то теперь он может считаться просто «выходцем» из той страны, которая его когда-то приютила... Даже если он еще не участвует в выборах, то и это не за горами. Наступят и такие времена, когда он станет относиться к своим соотечественникам как к *иностранцам*.

Если он интеллектual, то будет рассуждать о «своих корнях», разглагольствовать о «возвращении к истокам», защищать свою «идентичность», не особо уточняя при этом, что все это такое. Правда и то, что у себя в доме во Франции он установил параболическую антенну, чтобы смотреть передачи из арабских стран... Но правда и то, что, как это ни парадоксально, он любит смотреть и французские каналы, предпочитает одни, не любит другие, имея немалый выбор...

Главное, что его теперь волнует, это то, как не впадая в фанатизм, уберечь свои традиции, чтобы уж совсем не «обезличиться», чтобы передать их своим детям... Но если он и примыкает иногда к демонстрациям мусульман, то старается не участвовать в крайних формах их выступлений. Исламские террористы-смертники, отчаяние которых он может быть и понимает, тоже не вызывают у него симпатий, поскольку они искажают образ ислама во всем мире. Вообще ему кажется, что общество «братских мусульманских стран» - весьма еще закрытое, окружено старыми крепостными стенами, которые могут рухнуть в любую минуту...

Таким образом, так или иначе, иммигрант уже смотрит на окружающий его мир через призму тех ценностей свободы и демократии, которые постепенно ему прививались в течение его жизни на Западе. Даже в отношении к женщине он стал другим. А та берет все больше и больше пример с европейек. ...Он даже вступил в здешний профсоюз, который за-

щищает не только его профессиональные права, но и главные свободы этого мира... Он теперь о многом вопрошает себя. Осуждает тех «нелегалов», которые, прибыв в страну и ничего не успев сделать, уже требуют пособий, социальных выплат, бесплатной медицинской помощи и т.п. Ведь он добился своего нынешнего положения трудной ценой. Будет смотреть на этих несчастных эмигрантов, тысячами рвущихся к берегам Европы уже как «французский араб», т.е. француз с мусульманским вероисповеданием, такой же гражданин, как и все... Если другие, конечно, воспринимают его так же, несмотря на акцент, черты лица и на особенную для здешнего слуха фамилию...

Нет, он, конечно, никуда не вернется. Состарится здесь и будет жить, как и все эмигранты первой волны, «шибани», которые давно отказались от мысли возвращения на родину, хотя родные «давили» на них, просили приехать «*хоть умереть среди своих*»... Иммигранты еще встречают этих стариков, носящих на голове французские береты, сидящих в городских садах на скамеечках. Они - как старые рабы, которых давно отпустили на свободу, но они предпочли остаться среди своих хозяев.

Иммигрант рассматривает себя человеком свободным. Разве он похож на того человека, который когда-то уехал из своей страны? Конечно, вокруг больше соборов, церквей, а не мечетей. Здесь звонят колокола, а не поют муэдзины. Но он может молиться своему богу в чистых молебных домах, ожидая лучшего: разве ему не обещают построить настоящие мечети по соседству в его квартале?... Но главное событие в его жизни, которое решительно все перевернуло, - рождение здесь, на чужбине, его детей.

*Перевод с французского
С.В.ПРОЖОГИНОЙ,
д.ф.н., ИВ РАН*

(Окончание следует)